

DOI: 10.31857/S032103910012577-7

P.A. KENT. A History of the Pyrrhic War. Abingdon—New York: Routledge, 2020. 196 p. ISBN: 9781032090306

Прошло уже более 270 лет со времени издания первой работы по истории Пирровой войны — труда Жана Журдана¹, но интерес как к личности эпирского царя, так и к истории его войн не утрачен до сих пор. Подлинно научный интерес к личности царя Пирра и его войнам с римлянами зародился в немецкой историографии во второй половине XIX в. Г. Герцберг в своей монографии рассмотрел Пиррову войну в качестве решающего этапа в процессе объединения Италии под властью Рима, Р. Скала и Р. Шуберт² сосредоточили свое внимание на проблеме первоисточников по данной теме, пытаясь «очистить» их от более поздних наслоений. В первой четверти XX в. другой немецкий ученый О. Хамбургер дал критику источников по ходу изложения событий³. С середины XX в. монографические исследования о царе Пирре помимо Германии стали появляться и в других европейских странах. В Италии вышла монография Д. Ненчи, во Франции — капитальный труд П. Левека, в Нидерландах — монография А.Б. Недерлофа⁴. Традиционное для германской историографии просопографическое направление было представлено в работе Ф. Зандбергера, выделившего 122 персоны, имевшие какое-либо отношение к царю Пирру и его войнам⁵. Судьба царя Пирра, одной из ярчайших личностей античной эпохи, продолжает волновать современных исследователей и в XXI в. Из работ западноевропейских исследователей можно назвать, в частности, весьма добротную монографию бельгийского ученого Р. Брюинье, которую по сравнению со всеми предшествующими трудами отличает пристальное внимание к нумизматическому материалу⁶. Последним известным нам исследованием на данную тему является работа Патрика Алана Кента, адъюнкт-профессора Джексонского и Среднемичиганского колледжа (США). Предметом научных интересов автора являются проблемы взаимоотношений Рима с народами Италии IV—III вв.⁷ Рецензируемая монография состоит из шести глав и заключения, содержание которых изложено в проблемно-хронологическом порядке.

Первая глава «Вспоминая Пиррову войну» (с. 9–37) по своей сути является введением. Кент начинает свое изложение с описания одного из эпизодов (выбор этого эпизода, конечно же, дело вкуса автора) битвы при Гераклее — нападения италика Оплака на Пирра, в результате которого эпирскому царю чудом удалось избежать гибели. По словам автора, история Пирровой войны полна подобных эпизодов, связанных с интригами, проявлением чести, доблести, добродетелей и даже предательства. Актуализируя тему своего исследования, Кент заранее формулирует основные положения, которыми он будет руководствоваться при ее изложении. Во-первых, рассказы о событиях Пирровой войны в течение столетий были «отшлифованы» римскими авторами до такой степени, что до потомков они дошли уже далеко не в том виде, который имели первоначально. Во-вторых, в планы Пирра не входил захват Рима, всей Италии, Карфагена и Сицилии. Его цели ограничивались лишь помощью городам Великой Греции,

¹ Jourdan 1749.

² Herzberg 1870; Scala 1884; Schubert 1894.

³ Hamburger 1927.

⁴ Nenci 1953; Lévêque 1957; Nederlof 1976.

⁵ Sandberger 1970.

⁶ Bruijnje 2013.

⁷ Здесь и далее все даты — до н.э.

обеспечением их безопасности. В то же время он не смог осознать всю сложность ситуации на Западе, где в будущем его ожидали серия войн, интриги, смена союзников, что заняло не один год. В-третьих, это событие было не войной римлян против Пирра, а носило, по сути, характер многополярного регионального конфликта с участием карфагенян, самнитов, тарентинцев, сиракузян и многих других, в котором каждый преследовал собственные интересы. И для того чтобы осознать сущность рассматриваемого события, необходимо проникнуть в римское повествование, отбросив разного рода легенды и недостоверные предания (с. 11).

Далее автор обращается к характеристике источниковой базы исследования. Он приходит к вполне обоснованному выводу о том, что ее основу составляют нарративные источники, а данные нумизматики, эпиграфики и археологии отличаются скудостью и лишь в незначительной степени могут помочь в освещении темы. Однако, по справедливому мнению автора, немало вопросов вызывает античная историческая традиция: источники, современные Пирровой войне, не сохранились, а все то, что было написано более чем через сто лет после нее, оказалось до неузнаваемости искаженным. При этом Кент указывает на одну интересную деталь, которая, впрочем, уже ранее была подмечена предшествующими ему исследователями: когда начинали писать первые римские историки, еще были живы очевидцы или даже участники описываемых событий, которые могли вносить в зарождающееся римское историописание фрагменты так называемой «семейной традиции», восхвалявшие героическое прошлое Рима (с. 13). Именно в рамках этой самой семейной традиции выкристаллизовывались героические образы Дециев и Фабрициев, которые затем долгое время служили в качестве лучших примеров для подрастающих поколений. Но при всем при том их историческая память не могла охватывать период более 80 лет. Из всей совокупности нарративных источников Кент выделяет биографию Пирра, написанную Плутархом, поскольку тот использовал именно греческие источники. И хотя западная кампания Пирра оказалась на втором плане, тем не менее повествование Плутарха, как единственное завершенное, предоставляет нам общий контекст, куда влетаются и помещаются остальные разрозненные материалы (с. 18). Однако автор ни единым словом не упомянул эпирского историка Проксена, труды которого по истории Эпира были использованы более поздними греческими историками⁸.

К сожалению, в рецензируемой монографии отсутствует хотя бы краткий обзор предшествующей историографии. С одной стороны, автор упоминает капитальные работы немецких ученых Р. Шуберта, О. Хамбургера, Ф. Зандбергера⁹ (в то же самое время неизвестной ему остается работа другого немецкого ученого, Р. фон Скалы¹⁰). Скорее всего автор знает о них, но никаких следов их использования мы не находим: ни идей, особенно касающихся их глубокого анализа источниковой базы исследования, ни каких-либо ссылок на их труды в книге нет. Исключение составляет лишь капитальный труд Пьера Левека¹¹, который, без сомнения, является главным авторитетом для Кента. Однако и этот труд, как признает автор монографии, далеко не безупречен: во-первых, в нем все внимание сосредоточено на личности эпирского царя, в то время как сама Пиррова война не рассматривается в геополитическом контексте истории народов Италии и Сицилии. Во-вторых, в виду открытия новых эпиграфических, нумизматических и археологических данных работа П. Левека, изданная более 60 лет назад, в некой степени устарела (с. 19).

Два последующих раздела главы, так или иначе, посвящены взаимоотношениям между греками и римлянами и их отражению в античной исторической традиции. В одном из них акцентируется внимание на том, как античные, а затем и современные авторы лепили из Пирра образ второго Александра. Для иллюстрации данного тезиса автор приводит известную беседу Пирра с Кинеем и не менее известный диалог Сципиона Африканского с Ганнибалом в Эфесе, во время которых сравнивались полководческие таланты Александра Великого и Пирра. Наконец, в последнем разделе первой главы речь идет о начальных контактах между греками и римлянами, которые произошли именно на поле боя.

Во второй главе «Конфликты и соперничество до Пирра» (с. 38–62) кратко рассматривается предыстория Пирровой войны. Автор отмечает те особенности античной исторической

⁸ Kazarov 2009, 30–34.

⁹ Schubert 1894; Hamburger 1927; Sandberger 1970.

¹⁰ Scala 1884.

¹¹ Lévêque 1957.

традиции, в которой описывается римско-тарентинский конфликт: в ней подчеркиваются добродетели римлян и легкомыслие тарентинцев, при этом остается в стороне геополитический контекст событий. Нападение на римский флот, по словам автора, безусловно, сыграло важную роль в развязывании войны между Римом и Тарентом, но между этими двумя городами уже существовала давняя напряженность, причиной которой послужила экспансия Рима в предыдущие десятилетия. Само по себе это мнение не ново и уже ранее высказывалось предшественными исследователями¹².

Параллельно с событиями на юге Апеннинского полуострова автор рассматривает обстановку на Сицилии, сложившуюся после смерти Агафокла. Он указывает на ту сложную ситуацию, в которой оказались сицилийские греки накануне прибытия туда Пирра. Вполне логично, что после исследования обстановки в Италии и на Сицилии Кент переходит к освещению положения царя Пирра, в котором он оказался накануне своей экспедиции на Запад. Мнение автора о том, что Пирр и его царство не обладали достаточными ресурсами для проведения активной внешней политики в эллинистическом мире, возражений не вызывает. Но с тем, что Кент, подобно Д. Ненчи¹³, превращает Пирра в простую пешку Птолемея Лага, продвигаемую из Египта, мы едва ли сможем согласиться. И, наконец, в конце главы поставлен принципиальный вопрос о планах Пирра на Западе. Мы целиком разделяем скепсис автора по поводу описываемых Плутархом намерений Пирра относительно захвата Италии, Сицилии и Северной Африки. Что касается Италии, то, по мнению автора, целью царя было установление контроля за югом полуострова, но никак не захват Рима (с. 63). Таким путем, по мнению Кента, античная историография представляла из Пирра второго Александра, якобы продолжившего его завоевания на Западе. На самом же деле его первоначальные планы на Западе ограничивались лишь оказанием помощи грекам Италии и Сицилии.

Третья глава монографии «Военные кампании 280–279 гг.» (с. 63–90) посвящена военным действиям Пирра в Италии до его переправы на Сицилию. Автор последовательно рассматривает вопрос о силах противоборствующих сторон и подготовке их к войне, битву при Геракле, поход Пирра на Рим, битву при Аускуле. Битва при Геракле для Кента является однозначно победой Пирра, итоги битвы при Аускуле были неопределенными, хотя и гораздо лучше отражены в источниках (с. 77). Автор разделяет всеобщее мнение, что битва длилась два дня, первый день оказался за римлянами, а на второй день, благодаря полководческому таланту Пирра, его войска заняла выгодное положение, что и предопределило конечный успех царя и во втором сражении (с. 82–83). Завершая анализ военных кампаний Пирра, автор резонно отказывается как от анализа расхожего понятия «пиррова победа», так и от попыток связать его с тем или иным сражением Пирровой войны. По нашему мнению, работа в значительной мере выиграла бы, если бы в главе были помещены карты передвижения противников и схемы сражений.

Четвертая глава монографии «Дипломатические переговоры» (с. 91–145) посвящена переговорам Пирра с римлянами. Автор отнюдь не оригинален, когда указывает на запутанность и фрагментарность посвященной им исторической традиции. В противоположность другим исследователям, пытавшимся реконструировать последовательность переговорного процесса¹⁴, Кент ограничился лишь общими замечаниями. При этом он проигнорировал работу немецкого ученого О. Хамбургера, в котором были выделены различные этапы переговорного процесса, привязанные к соответствующим пассадам античных авторов¹⁵. По мнению Кента, приверженность Пирра переговорному процессу, которую он демонстрировал на протяжении всей своей кампании в Италии, простилака из той цели, которую он здесь преследовал: гарантировать независимость и безопасность греков Южной Италии и по возможности скорее вернуться к своим делам на Востоке. Именно поэтому даже после успешных для него сражений у Гераклеи и Аускула Пирр, несмотря на выигрышное для себя положение, прилагал усилия для заключения соглашения с римлянами (с. 91). Повествуя о событиях, которые последовали после поражения римлян при Геракле, Кент отказывает в достоверности исторической традиции, отводящей решающую роль в срыве переговоров пламенной речи Аппия Клавдия в сенате. По его мнению, она едва ли могла служить источником, отражающим реальную ситуацию III в. (с. 93). Столь

¹² Herzberg 1870, 199.

¹³ Nenci 1953, 134.

¹⁴ Lefkowitz 1959, 147–177.

¹⁵ Hamburger 1927, 45–46.

же невероятным кажется автору и тот повод к переговорам, который имел место после Аускула. Речь идет об обращении врача Пирра к консулу Фабрицию с предложением отравить царя. По словам Кента, описанная история слишком надуманна, чтобы иметь какие-либо исторические основания (с. 107).

Не остается без внимания и переговорный процесс, в который оказались вовлечены римляне с карфагенянами. Как отметил автор, между Италией, Сицилией и Пунической Африкой существовали тесные связи задолго до Пирровой войны. Более того, отношения между Римом и Карфагеном были подкреплены целой серией договоров 509, 348 и 306 гг. Поэтому появление в Остии карфагенской эскадры во главе с флотоводцем Магоном едва ли было случайным. Схема Кента, заключающаяся в том, что карфагеняне имели тесные экономические связи с италическими и Римом в противовес грекам Южной Италии и Сицилии, едва ли может нас удовлетворить. Как мы уже указывали ранее, миссия Магона имела две основные цели: сорвать мирные переговоры римлян с Пирром и самим заключить союзный договор с Римом, воспрепятствовав переправе Пирра на Сицилию¹⁶. Сами же римляне, не сумев пока еще одолеть Пирра на полях сражений, сумели переиграть его на дипломатическом поле. Особую роль в переговорном процессе автор отводит Фабрицию, который в римской традиции олицетворяет все лучшие качества римского гражданина: патриотизм, честность, доблесть, бескорыстие.

В пятой главе «На Сицилии» (с. 119–145) автор вновь возвращается к сицилийским делам. Определяя планы Пирра на острове, Кент отрицает мнение древних писателей, которые рассматривали сицилийскую экспедицию царя в качестве проявления его амбиций и высокомерия: столкнувшись с римской стойкостью и упорством, он изменил свои планы и попытался овладеть Сицилией и Северной Африкой. Однако в действительности, по словам автора, Пирр в основном уже достиг того, к чему он стремился в Италии: Тарент и другие греческие общины Южной Италии оставались независимыми, к тому же сохранялся союз царя с самнитами, бруттиями и луканами. Мир с Римом не был заключен, но на данном этапе царя это абсолютно не волновало. Сами же сицилийцы, приглашая царя на остров, преследовали две цели: преодолеть политические разногласия на острове и защитить местных греков от экспансии карфагенян. Тупиковая ситуация, сложившаяся на Сицилии из-за трений, которые возникали между местными тиранами, требовала внешнего вмешательства. Повествуя о государственно-правовом положении Пирра на острове, Кент подчеркивает его неопределенность. Свой главный козырь в лице старшего сына Александра, рожденного от Ланассы и приходившегося внуком Агафоклу, он, опасаясь подозрений со стороны местных тиранов, не мог использовать и по этой причине пока решил не брать его с собой на остров. Мысль довольно интересная и, насколько нам известно, не высказывалась ранее ни одним из исследователей.

Указывая на определенную слабость власти Пирра на Сицилии, Кент одновременно пытается объяснить характеристику Пирра античными авторами в качестве «царя и гегемона Сицилии» (Polyb. VII. 4. 5; Iust. XXIII. 3. 2). Однако, пространно рассуждая ниже о монетной чеканке Пирра на острове и попутно замечая, что в Италии он монеты не чеканил, автор снова говорит о слабости власти царя на Сицилии, противореча самому себе: едва ли в этом случае Пирру было бы дозволено чеканить здесь свою монету. Самый интересный дискуссионный вопрос, который лишь вскользь затрагивает Кент, это вопрос о попытке Пирра создания на острове своего государства. Тезис автора о том, что на Сицилии как нигде Пирр зависел от союзников и поэтому ему приходилось всегда действовать с оглядкой на них, боясь лишиться их поддержки, представляется весьма спорным. Наоборот, именно Сицилия стала тем местом, где Пирр предпринял попытку построения территориальной эллинистической монархии, которая включала бы в себя города острова, возглавляемые отдельными тиранами¹⁷. Однако те силовые методы, которыми он этого добивался, не привели к успеху. Уверовав в абсолютную поддержку со стороны сицилийцев, царь попытался установить здесь некую разновидность эллинистической монархии, подчинив одних тиранов и казнив других¹⁸. А это, как известно, вызвало яростный протест и в конечном итоге похоронило все начинания царя на острове.

Шестая глава монографии «Окончание войны» (с. 146–175) посвящена периоду от захвата кампанцами Регия до битвы при Беневенте. Начав свое повествование с описания того важного географического положения, которое занимал Регий, автор переходит к событиям, которые привели

¹⁶ Kazarov 2009, 499.

¹⁷ Berve 1954, 273–277.

¹⁸ Kazarov 2009, 349–350.

ли к захвату города италиками. В них Кент видит стремление римской историографии изобразить суровость, но одновременно и добродетельность римлян во время войны (с. 150). Далее автор обращается к тем событиям, которые произошли во время отсутствия Пирра в Италии в 278–276 гг. Здесь Кент в целом ограничивается изложением хорошо известных фактов, повествуя о тех трудностях, с которыми столкнулись союзники Пирра, оставшиеся без его помощи. Даже несмотря на эпидемию, которая затормозила активность римских войск, римлянам удалось добиться значительных успехов (с. 154–155).

Переходя к рассмотрению повторного появления Пирра в Италии, автор в русле устоявшейся традиции справедливо указывает на те проблемы, которые царь начал испытывать на Сицилии. В качестве второй причины, побудившей Пирра отправиться в Италию, послужили отчаянные призывы о помощи его италийских союзников. Также традиционно описываются те сложности, с которыми эпирской царь столкнулся при переправе через Мессенский пролив. Кент выделяет две версии о высадке Пирра в Италию, существовавшие в античной исторической традиции, — Плутарха (*Pyrrh.* 24) и Зонары (VIII. 6), отдавая предпочтение последней (с. 156–157). Наиболее интересная часть главы — раздел о битве при Беневенте. Описание сражения идет в традиционном русле, и Кент вслед за другими исследователями важную роль в исходе сражения отводит слонам. Если ранее неведомые римлянам животные вызывали у них страх, то уже в этом сражении атака слонов, служивших неким символом мощи армии Пирра, была успешно отражена благодаря доблести и стойкости легионеров. Разделяя мнение некоторых своих предшественников¹⁹, Кент не считает битву при Беневенте «большой победой для римлян» (с. 167). Они выиграли день, но Пирр сохранил основную часть своих сил, которые он отвел на юг в сторону Тарента. Однако римляне укрепили свой контроль над долиной реки Калор, обеспечив путь в южную Италию через Самний. С этого времени стратегическая инициатива переходит от Пирра к римлянам: теперь уже был вынужден перейти к обороне эпирский царь, которому пришлось защищать своих союзников от натиска римлян.

В «Эпилоге» (с. 176–183) автор подводит итоги исследования. Западную кампанию Пирра Кент считает случайной и не совпадающей с главными планами Пирра, мысли которого были далеко на Востоке. Войны в Италии и на Сицилии рассматривались им как временные, в которых он преследовал лишь ограниченные цели: защиту греков Запада от варваров — римлян и карфагян. Однако успехи Пирра на поле боя, по словам автора, были недостаточными для реализации его политических целей. Что касается римлян, то их победа над Пирром, вторым Александром Великим, была подтверждением их величия в глазах будущих поколений. Знаком признания этого самого величия Рима в числе ведущих держав эпохи был торжественный прием римского посольства Египтом в 273 г. (с. 178). Сформулированные автором представления о месте и роли Пирровой войны в сознании римского народа нам представляются наиболее интересными. Пиррова война, находящаяся на «краю исторической памяти римского народа», знаменовала собой выход Рима на международную арену. Хотя события войны, возможно, сохранились лишь в устных воспоминаниях детей и внуков ее участников, этого было в конечном итоге достаточно, чтобы они послужили объектом переработки и последующего включения их в собственные нарративы. Отсюда проистекали те общие места, которые затем перекочевали в труды римских авторов, писавших о Пирровой и Пунических войнах: противниками Рима выступали два выдающихся полководца эпохи, оба практически дошли до стен Рима, но не смогли его захватить, оба вначале нанесли римлянам сокрушительные поражения на полях сражений, но в конечном итоге потерпели неудачу, оба в Италии в битвах использовали слонов, и в той, и в другой войнах была определенная поддержка со стороны италиков и т.д. (с. 181). Но в глазах римлян Пирр был высокомерным честолюбцем, а не «злодеем» типа Ганнибала. В качестве виновников войны выступают тарентинцы и, естественно, карфагеняне, показывающие свою вероломную сущность чуть ли не в каждом историческом эпизоде. Сама же Пиррова война, по словам автора, завершила процесс создания «римской Италии». Она стала своеобразным мостом из древнего прошлого Рима к невероятным испытаниям эпохи Пунических войн, которые привели к созданию Империи, изменившей римский народ (с. 183).

К сожалению, свое повествование автор ограничивает исключительно западной кампанией эпирского царя, исключив из него последующую борьбу Пирра с Антигоном Гонатом за македонское наследство. Такое сужение рамок исследования имеет право на существование, тем более что оно уже встречалось в упоминавшейся нами работе О. Хамбургера. Однако мы не находим объяснения автором мотивов этого, да и само название рецензируемой работы в этом случае требует не-

¹⁹ Malden 1881, 176; Nederlof 1976, 302.

которой корректировки. Работа носит название «Пиррова война», но в таком случае не совсем понятно, о какой именно войне идет речь? Если речь идет об италийской кампании, то при чем здесь тогда борьба за Сицилию? По нашему мнению, название работы требует некоторой корректировки: назови Кент свою работу «Западная кампания Пирра» или «Война Пирра на Западе», подобных вопросов можно было бы избежать.

Автора отличает гиперкритическое отношение к источникам, особенно в тех случаях, когда описываются подвиги Пирра на полях сражений. Это касается и схватки Пирра с италическим Оплаком, и его героизм во время штурма Эрикса, и храбрость во время поединка с наемником-мамертинцем, которого царь одним ударом меча разрубил пополам. Все они без достаточных оснований объявляются «неисторическими» (с. 157).

Несколько слов хотелось бы сказать об оформлении работы. Оно оставляет желать лучшего: кроме двух карт Италии и Сицилии, на которых изображены крупнейшие города и места сражений Пирра, мы не найдем здесь никакого иного иллюстративного материала, хотя на сегодняшний день он накоплен в достаточном количестве и достаточно полно приведен в нашей работе²⁰.

Основное достоинство рецензируемой работы нам видится в том, что в ней был поставлен вопрос о пределах исторической памяти римского народа, о сохранении в семейной традиции тех или иных событий Пирровой войны. В этой связи попытка Кента отыскать следы этой самой семейной традиции в трудах римских историков представляется и новаторской, и интересной.

Таким образом, несмотря на отдельные недостатки, которые в основном касаются работы с источниками (речь идет о практически полном игнорировании археологического и эпиграфического материала), повторением уже устоявшихся в науке выводов автор вносит пусть и небольшой, но свой личный вклад в исследование Пирровой войны: речь идет о попытке по-своему оценить последствия этого события для римской истории и ее отражение в массовом сознании римлян.

Литература / References

- Berve, H. 1954: Das Königtum des Pyrrhos in Sizilien. In: R. Lullius (Hrsg.), *Neue Beiträge zur Altertumswissenschaft. Festschrift für B. Schweitzer*. Stuttgart, 272–277.
- Bruijnje, R. 2013: *Pyrrhus van Epirus*. Gent.
- Hamburger, O. 1927: *Untersuchungen über den Pyrrhische Krieg*. Würzburg.
- Herzberg, H. 1870: *Rom und König Pyrrhus*. Halle.
- Jourdan, J.-B. 1749: *Histoire de Pyrrhus, roi d'Epire*. Amsterdam.
- Kazarov, S.S. 2009: *Istoriya tsarya Pirra Epirskogo* [The History of King Pyrrhus of Epirus]. Saint Petersburg.
- Казаров, С.С. *История царя Пирра Эпирского*. СПб.
- Lefkowitz, M. 1959: Pyrrhus' Negotiations with the Romans 280–276 B.C. *Harvard Studies in Classical Philology* 64, 147–177.
- Lévéque, P. 1957: *Pyrrhos*. Paris.
- Malden, H. 1881: Pyrrhus in Italy. *Journal of Philology*, 172–177.
- Nederlof, A. 1976: *Pyrrhus van Epirus*. Amsterdam.
- Nenci, J. 1953: *Pirro. Aspirazioni egemoniche ed equilibrio mediterraneo*. Torino.
- Sandberger, F. 1970: *Prosopographie zur Geschichte des Pyrrhus*. Stuttgart.
- Scala, R. 1884: *Der pyrrhische Krieg*. Berlin.
- Schubert, R. 1894: *Geschichte des Pyrrhus*. Königsberg.

Sarkis S. Kazarov,
South State University,
Rostov-on-Don, Russia

E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

С.С. Казаров,
д.и.н., проф. кафедры археологии
и истории древнего мира,
Южный Федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

²⁰ См., например, Kazarov 2009.